

Научно-публицистическая
УДК 101.8
DOI: 10.25688/2078-9238.2022.44.4.4

ЛИБЕРАЛИЗМ, ЗАПАДНИЧЕСТВО И СЛАВЯНОФИЛЬСТВО П. Я. ЧААДАЕВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КАНТОВСКОГО АПРИОРИЗМА

Кучеренко Александр Владимирович

Курская академия государственной и муниципальной службы,
Станционная ул., 9, Курск, Россия, 305044,
kucherenkoav@yandex.ru

Аннотация. Философским наследием И. Канта является учение об априорных формах, лежащих в основе процесса познания, этики и эстетики. Поскольку совокупность априорных форм носит универсальный и вневременной характер, она представляет собой одновременно и инструментарий для рассмотрения структуры любого частного представления. Цель исследования заключалась в применении кантовской методологии для рассмотрения взглядов П. Я. Чаадаева о месте России в общечеловеческой истории и менталитета русского народа. Актуальность статьи обусловлена отстаиванием современной Россией собственной системы духовных ценностей на фоне обострения конфликта с западноевропейской цивилизацией, на которую ориентировался в своей русофобии П. Я. Чаадаев. Однако, что составляет антиномичность взглядов П. Я. Чаадаева, его русофобия сочетается с русофильством и проистекает из него. Методы исследования предполагают опору на использование кантовского учения об априорных формах для анализа конкретного содержания наиболее значимых и центральных положений в убеждениях П. Я. Чаадаева. В методологию входят такие значения, как априорные формы чувственности, агрегат, архитектоника, целокупность, достаточное основание, аналитическое и синтетическое суждения, рефлектирующая и определяющая способности суждения, антиномичность и диалектика. К результатам исследования можно отнести: наполнение априорных форм конкретным содержанием рассуждений П. Я. Чаадаева, исходя из их специфики; фактическое подтверждение на конкретном примере жизнеспособности кантовского учения об априорных формах

в качестве иллюстративного материала для их применения. Результатом выступает также негативная характеристика одного из подходов к осмыслению творчества П. Я. Чаадаева исходя из его связи с понятием целокупности. Выделяется ряд условий, ведущих к появлению неустранимой диалектической иллюзии, способных порождать антиномии.

К общему выводу, на примере проведенного анализа взглядов П. Я. Чаадаева, можно отнести представление о несовершенстве и противоречивости человеческого сознания исходя из самой априорной основы его организации.

Ключевые слова: априорные формы, русский народ, либерализм, западничество, русофильство

Для цитирования: Кучеренко А. В. Либерализм, западничество и славянофильство П. Я. Чаадаева сквозь призму кантовского априоризма // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 4 (44). С. 45–55. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.44.4.4

Scientific and journalistic

UDC 101.8

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.44.4.4

LIBERALISM, WESTERNISM AND SLAVOPHILISM BY P. YA. CHAADAEV THROUGH THE PRISM OF KANTIAN A PRIORI

Alexander V. Kucherenko

Kursk Academy of State and Municipal Service,
Stantsionnaya st., 9, Kursk, Russia, 305044,
kucherenkoav@yandex.ru

Abstract. The philosophical heritage of I. Kant is the doctrine of a priori forms underlying the process of cognition, ethics and aesthetics. Since the totality of a priori forms is universal and timeless, it is at the same time a tool for considering the structure of any particular representation. The purpose of the study was to apply the Kantian methodology to consider the views of P. Ya. Chaadaev about the place of Russia in the universal history and mentality of the Russian people. The relevance of the article is due to the defense by modern Russia of its own system of spiritual values against the background of the aggravation of the conflict with Western European civilization, which P. Ya. Chaadaev was guided by in his Russophobia. However, what constitutes the antinomianism of P. Ya. Chaadaev's views, his Russophobia is combined with Russophilism and stems from it. The research methods assume reliance on the use of Kant's doctrine of a priori forms to analyze the specific content of the most significant and central positions in the beliefs of P. Ya. Chaadaev. The methodology includes such values as a priori forms of sensuality, aggregate, architectonics, totality, sufficient basis, analytical and synthetic judgments, reflecting and determining judgment abilities, antinomianism and dialectic. The results of the study include the filling of a priori forms with the specific content of P. Ya. Chaadaev's reasoning, based on their specifics; factual confirmation on a concrete example of the viability of Kant's

doctrine of a priori forms as illustrative material for their application. The result is a negative characteristic of one of the approaches to understanding the work of P. Ya. Chaadaev, based on the connection with the concept of totality. A number of conditions leading to the appearance of an irremediable dialectical illusion, capable of generating antinomies, are highlighted.

The general conclusion, based on the example of the analysis of the views of P. Ya. Chaadaev, can be attributed to the idea of the imperfection and inconsistency of human consciousness, based on the very a priori basis of its organization.

Keywords: a priori forms, Russian people, liberalism, Westernism, Russophilism

For citation: Kucherenko, A. V. (2022). Liberalism, Westernism and Slavophilism of P. Ya. Chaadaev through the Prism of Kantian a Priorism. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (44), 45–55. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.44.4.4>

Введение

Можно с уверенностью утверждать, что кантовское учение об априорном основании человеческой духовности, связанное с процессом познания, этикой и эстетической способностью суждения носит наиндивидуальный характер и, оказываясь вневременным, методологически применимо к любому частному случаю проявления процесса познания, появления этических и эстетических суждений.

Априорные формы чувственности и рассудка в роли методологии исследования результата деятельности сознания

Из совокупности кантовского инструментария органичного сочетания между собой априорных форм обратим внимание на пространственно-временные созерцания, идеи архитектоники и целокупности, принцип достаточного основания, способность суждения и диалектику, а затем сквозь них и с их помощью рассмотрим умозаключения П. Я. Чаадаева.

Вначале несколько слов о сущности, значении и взаимосвязи самих априорных форм, вмещающих в себя все разнообразие порождаемых человеческим сознанием представлений.

Априорное пространственное созерцание указывает на совокупность находящихся одновременно [Кант, 1994, с. 131] и вне друг друга в нашем сознании разрозненных и вполне самостоятельных значений, начиная от имеющегося у каждого из нас словарного запаса до совокупности различных представлений, воспоминаний, знаний и убеждений. И. Кант определяет это как агрегатное состояние [Кант, 1964кчр, с. 179].

Созерцание во времени есть внутреннее видение того, как мы располагаем имевшиеся до этого в пространственном созерцании значения последовательно [Кант, 1964кчр, с. 136] друг после друга благодаря действию рассудка,

стремящегося установить некий порядок в чередование данных значений в процессе поиска между ними причинно-следственной зависимости. Простейшим примером может служить последовательное расположение слов в наших суждениях для выражения определенной мысли. И. Кант делит все суждения на аналитические и синтетические. Аналитические суждения [Кант, 1994кчр, с. 232] приводят некое сложное образование в агрегатное состояние как разрозненный набор ее составных частей, ничего не прибавляя к тому, что уже имелось в этом образовании. Синтетические суждения [Кант, 1994кчр, с. 232] дают нам новое знание при сочетании значений (находившихся ранее во взаимоизолированном состоянии пространственного созерцания), когда их связь между собой порождает иное по своему качеству значение, ранее не имевшееся в двух (или нескольких) предыдущих.

Априорная идея архитектоники [Кант, 1964кчр, с. 680] предполагает способность разума создавать системы из набора разрозненных значений, объединенных ранее лишь общей границей, установленной тем же самым разумом (это, кстати, уже тоже является некой системой), а именно ограниченной целокупностью [Кант, 1964кчр, с. 178]. Но для того чтобы создать внутри целокупности систему с учетом имеющихся внутри границы значений, необходимо еще подвести под разрозненную совокупность достаточное основание [Кант, 1964кчр, с. 267], которое, следуя необходимости, способно образовать стройную соподчиненность частей по принципу пирамиды. Примеры деятельности архитектоники разума: правовая система государства; система распределения обязанностей и ответственности структурных подразделений в деятельности организации; любая схема или таблица; разнообразные версии преступления на основе улики или доказательная база обвинения.

Определяющая способность суждения [Кант, 1994ксс, с. 19] подводит частное значение под уже известное правило, а рефлектирующая [Кант, 1994ксс, с. 19] выводит неизвестное ранее новое знание на основе множества имеющихся частных значений. Диалектику [Кант, 1964кчр, с. 217] И. Кант понимал, как столкновение взаимоисключающих суждений (за границей опыта).

П. Я. Чаадаев (1794–1856), как и всякий другой человек, является невольным пленником своего времени, обладая ограниченным объемом представлений о реальных событиях в истории и современности, а так же ограниченным представлением о совокупности идеалов и норм текущей общественной жизни (это к полноте целокупности). Кроме того, восприятие данной совокупности всегда будет деформировано субъективизмом личной точки зрения.

В пятом письме П. Я. Чаадаев кратко характеризует трансцендентальный идеализм И. Канта, сетуя на провозглашенную И. Кантом автономность разума как на «ложное учение» [Чаадаев, 1991фп, с. 388]. Отметим, что И. Кант действительно считает все конечные продукты человеческого сознания результатом деятельности априорного системообразующего принципа разума (в области познания, этики и эстетики).

Обратимся к негативной диалектике в кантовском понимании данного понятия (антиномии). Тема, которую затрагивает П. Я. Чаадаев — русский народ.

В восьмом письме П. Я. Чаадаев пишет (имея в виду целокупность и системность): «это вся совокупность исторических фактов... <...> сейчас их надо свести в стройное целое» [Чаадаев, 1991фп, с. 435], полагая, что он уже обладает исчерпывающей целокупностью (обратим внимание на слово «вся») для построения системы (с помощью априорной идеи архитектоники).

В первом (изданном при жизни автора) из «Философических писем» П. Я. Чаадаев, рассуждая о русском народе, указывает (в моем авторском пересказе): воспитание человеческого рода его не коснулось; он находится в состоянии застоя между Западом и Востоком; равнодушный к добру, злу и всякой истине; национальная власть унаследовала принципы правления от иноземного владычества; у него короткая память на фоне безрадостного прошлого и беспросветного будущего; народ не имеет прогресса в духовном развитии; в головах совокупность разрозненных представлений; народ не создал ни одной полезной мысли, которая обогатила бы человечество; наша культура всецело подражательная и заимствованная. Мы — пример и урок для всех народов, как не следует жить.

В «Апологии сумасшедшего» П. Я. Чаадаев продолжает высказывать о русском народе негативные характеристики при появлении противоположных суждений. Вот некоторые из них, частично в авторском пересказе.

«Никогда ни один народ не был менее пристрастен к самому себе, нежели русский народ» [Чаадаев, 1991ас, с. 526]; ни один народ, кроме русского, «не достиг также более славных успехов на поприще прогресса» [Чаадаев, 1991ас, с. 526]; наш народ «определяет верховная логика Провидения» [Чаадаев, 1991ас, с. 527]; в Смутное время междоусобия народное ополчение сразило иноземного врага — «момент беспримерный, которому нельзя достаточно надивиться» [Чаадаев, 1991ас, с. 533]; «умею ценить высокие качества моего народа» [Чаадаев, 1991ас, с. 533]; «у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество» [Чаадаев, 1991ас, с. 534]; «было преувеличение в этом обвинительном акте (в первом письме. — А. К.), предьявленном великому народу» [Чаадаев, 1991ас, с. 536]; история страны наполнена примерами «прекрасного самоотвержения наших отцов, каждой прекрасной страницы нашей истории» (Чаадаев, 1991ас, с. 536–537); «мы с изумительной быстротой достигли известного уровня цивилизации, которому справедливо удивляется Европа» [Чаадаев, 1991ас, с. 537].

Сопоставляя позитивные и негативные характеристики русского народа, П. Я. Чаадаев создает антиномии, которые могут быть разделены по принципу «тезис – антитезис».

Покаяние П. Я. Чаадаева в «преувеличении» указывает на непреднамеренное искажение истины. В формальной логике подобного рода преувеличение

называется ошибкой слишком узкого определения. Это значит, что целокупность значений в границах понятия «русский народ» не была у него достаточно полной для построения системы. Действительно, было бы странно внутри одной и той же целокупности утверждать одно, а затем прямо противоположное. Отметим, что с течением времени объем целокупности был им расширен и учтен (с помощью равнодушной общественности). В результате, если первоначально указывалось, что русский народ чужд прогрессу, то в «Апологии сумасшедшего» этот же народ может указать человечеству истинный путь прогресса в достижении конечной цели его существования.

В интерпретации П. Я. Чаадаева кантовские понятия «целокупность» и «архитектоника» появляются в шестом письме в следующем рассуждении: «самые факты, сколько бы их ни собирать, еще никогда не создадут достоверности, которую нам может дать лишь способ их понимания» [Чаадаев, 1991ас, с. 394].

Можно прийти к заключению, что, по признанию самого П. Я. Чаадаева, его первоначальное аналитическое суждение не смогло раскрыть объем понятия «русский народ» в полноценной целокупности его агрегатного состояния. Как оказалось, позже в «Апологии сумасшедшего» данное понятие имеет внутри себя и противоположные значения. Идущие же следом синтетические суждения на основе ущербного набора выявленных в результате первоначального анализа составных значений данного понятия привели его к поспешным, а значит и ложным умозаключениям. Достаточным же основанием для всех претензий к русскому народу послужил сложившийся в его сознании образ Западной Европы как некоторого совершенства и образца для подражания.

В пространственном созерцании у П. Я. Чаадаева сочетаются как изолированные друг от друга сущности, — Запад, Восток, а между ними затерялась Россия как нечто неопределенное, не принадлежащее ни тому, ни другому, — «мир искони делился на две части — Восток и Запад» [Чаадаев, 1991ас, с. 529]. В этом как раз и состоит его упрек России, а именно в отсутствии тождества с одной из сторон. Однако, следуя ходу истории известно, что Россия впитывала в себя ценности как с Запада, так и с Востока, но брала только то, что считала для себя достойным принятия. Попытки же приневолить Россию стать всего лишь составной частью Запада или Востока Россия решительно отвергла, раз за разом подчеркивая свою самобытность, превзойдя обе стороны в военном искусстве противостояния. Нет ли в этом свидетельства высшей степени разумности, свободолюбия и самодостаточности русской духовности? В итоге мы, по отношению к Западу и Востоку, и это показала сама история наших конфликтов по обе стороны — качественно различные. В формальной логике попытка отождествить Россию с Западом или Востоком действует как несоблюдение закона тождества, — нельзя отождествлять различные значения, а тождественные принимать за различные.

П. Я. Чаадаев стремится насильно втащить Россию в Западную Европу, призывая, отождествившись слиться с ней и заодно потерять свою самобытность. В седьмом письме он заявляет: «чем более мы будем стараться с нею

(Европой. — А. К.) отождествиться, тем лучше нам будет» [Чаадаев, 1991фп, с. 433]. Но что это как не слепое подражательное раболепство, в котором он так настойчиво упрекал Россию? П. Я. Чаадаев, тем не менее, не смотрит на Западную Европу только лишь сквозь розовые очки.

Наряду с этим он отмечает и негативные признаки: «в странах Европы не все исполнено ума, добродетели» [Чаадаев, 1991фп, с. 435]; существует «порочное и преступное в европейском обществе...» [Чаадаев, 1991фп, с. 436]; у западных народов «хаос национальных предрассудков» [Чаадаев, 1991ас, с. 526].

Невольно возникает вопрос — с этим тоже придется отождествляться? П. Я. Чаадаев, конечно же, не мог не знать, что, бросив даже беглый взгляд на историю сложных взаимоотношений России и Запада, Запад время от времени активно проявлял свое антагонистическое отношение к России. В том числе и при Петре I, которого П. Я. Чаадаев превозносит исключительно как реформатора-западника, но не как военного стратега, стража русской земли, дающего отпор Западу. Это еще не говоря о последующих за чаадаевским временем исторических событиях в отношениях между Россией и Западом в XX и XXI вв. Объективно (опираясь только на факты истории) Запад не чувствует и не проявляет этого родства даже в относительно спокойных периодах сотрудничества, отводя России роль лишь подчиненного субъекта в международных отношениях, исподволь стремясь либо ее обмануть, воспользовавшись доверчивостью, либо в моменты наступившей слабости пытаться диктовать ей кабальные условия. Принцип равноправного сотрудничества с Россией Западом изначально отвергается, поскольку он выстраивает иную архитектуру на ином основании, ничуть не считаясь с благими пожеланиями П. Я. Чаадаева относительно тождества.

В седьмом письме П. Я. Чаадаев отмечает, что «мы на самом деле не принадлежим ни к какой нравственной системе...» [Чаадаев, 1991фп, с. 433]. В настоящий исторический момент наша нравственная система, как и прежде, составляет альтернативу Западу, то есть она вполне определена, нося характер уравнивающей справедливости (по Аристотелю) как в сфере международного сотрудничества, так и в конфронтации с Западом. В «Апологии сумасшедшего» П. Я. Чаадаев указывает на высокие качества русского народа, не уточняя, правда, какие, и, вполне возможно, здесь он имеет в виду и нравственные, пользуясь таким широким обобщающим родовым понятием как «высокие качества». И. Кант настаивал на универсальности общезначимых моральных норм, опирающихся на априорную форму разума, и это не очень вяжется с установкой П. Я. Чаадаева на подражательность Западу, в котором он, как бы мимоходом и шадяще, отмечает разнообразие форм проявления порочности.

В определяющей способности суждения отправной точкой для вынесения негативных оценок русскому народу П. Я. Чаадаев берет достижения Западной Европы в науке, ремеслах и создании прогрессивных социальных идей, будучи совершенно ослеплен их блеском и новизной. Его тревожило возвращение России в патриархальное допетровское прошлое, поскольку вполне справедливая

и заслуженная критика негативных гримас Западной Европы со стороны наиболее образованной части общественности нарастала. Чего стоит только перечень из софистики (совокупности целенаправленно деформирующих сознание приемов), узаконенного рабства, инквизиции, прощения грехов за деньги, карательных крестовых походов, изошренности пыток, Варфоломеевской ночи и прочее. Чаши весов достижений и пороков Западной Европы в сознании П. Я. Чаадаева находятся в колебании. Россия в это же время, расширяясь, была вынуждена отбиваться от агрессивных соседей, присоединяя к себе их пространства в качестве трофея при стремлении сделать свои границы более безопасными.

Рефлектирующая способность, направленная на создание нечто нового выглядит у П. Я. Чаадаева достаточно банально, — взять лучшее для копирования. В «Апологии сумасшедшего» (по сравнению с первоначальным письмом) взгляды П. Я. Чаадаева на достоинства и недостатки, как русского народа, так и Западной Европы выглядят более взвешенно. Мысль П. Я. Чаадаева мечется в поиске ответа о месте России в общечеловеческой истории и впадает в крайности, а его разум, в итоге, не справляется в этих метаниях с непосильной задачей, которую он перед собой поставил. Попытка выстроить стройную архитектуру причинно-следственных связей из-за абсолютизации имеющегося на тот момент исторического опыта, недостаточности фактического материала, поспешности выводов и эмоциональной горячности натуры относительно подлинной истории России и Западной Европы в узких границах очерченной им его целокупности значений привела П. Я. Чаадаева к внутренней противоречивости, антиномичности в суждениях. В итоге такой объект познания как «русский народ» остался для П. Я. Чаадаева вещью в себе.

П. Я. Чаадаев весьма почтительно относится к трансцендентальному идеализму И. Канта: «он измерил уверенной рукой пределы человеческого разума...» [Чаадаев, 1991 фп, с. 388], разделив мир на тот, который есть на самом деле и на другой, существующий лишь в нашем представлении о нем, где между ними пропасть.

К несомненной, но невольной заслуге П. Я. Чаадаева можно отнести следующее появление ожесточенного идейного сражения между западниками и славянофилами о сущности, судьбе и предназначении как русского народа, так и России. В итоге оказалось, что в рамках ограниченного исторического времени, способного дать лишь ограниченную целокупность значений, стройную и законченную систему архитектуры построить невозможно. Новые обстоятельства текущего исторического времени бросают России все новые вызовы, на которые она вынуждена отвечать, все более отчетливо, но всегда не до конца раскрывая свое содержание в целокупности.

Теперь хотелось бы обратиться к оценке одной особенности в подходах к осмыслению философско-литературного творчества П. Я. Чаадаева.

Трудно согласиться с А. А. Тесля, что «между “Философическими письмами” и последующими текстами нет водораздела» [Тесля, 2016, с. 186]. Неоправданный акцент А. А. Тесля делает исключительно на критике П. Я. Чаадаевым

пустого места России в общечеловеческой истории и его русофобии, игнорируя двусмысленное содержание «Апологии сумасшедшего». П. Я. Чаадаев оказался по воле автора ограниченным в своих первоначальных суждениях о России («преувеличенных» — по собственному признанию П. Я. Чаадаева) без учета разнообразия его высказываний. Но без использования всего того что П. Я. Чаадаев изложил во всей целокупности своих рассуждений мы вряд ли сможем претендовать на адекватное и достоверное отражение его взглядов.

О. Э. Мандельштам в довольно туманных и высокопарных рассуждениях о П. Я. Чаадаеве допускает ту же самую чисто логическую ошибку, — «Лучше не касаться “Апологии”. Конечно, не здесь сказал Чаадаев то, что он думал о России» [Мандельштам, с. 4]. Получается, что самому П. Я. Чаадаеву настойчиво навязывают ограниченную точку зрения, от которой он впоследствии отказывался.

Другим приемом деформации представлений П. Я. Чаадаева о России и русском народе является приписывание М. Б. Велижевым П. Я. Чаадаеву того, что тот не имел в виду в совокупности своих рассуждений: «Чаадаев ввел в политический обиход точку зрения, согласно которой особый путь развития России — это <...> бесконечное повторение прежних ошибок, которое становится частью генетического кода» [Велижев, 2022, с. 7]. Во-первых, здесь перепутаны причинно-следственные связи (опираясь на первоначальные рассуждения П. Я. Чаадаева, сначала генетический код, а затем хождение по кругу повторения ошибок], а во-вторых, уже реализованный потенциал прогрессивного развития удивил Запад (как отмечает П. Я. Чаадаев), тогда как перспективы развития России (по мнению П. Я. Чаадаева) — завершение цели существования человечества. Поставив точку в абзаце, расположенном в самом начале рассуждений о П. Я. Чаадаеве, данное положение М. Б. Велижева становится основанием для построения последующей системы рассуждений. Между тем П. Я. Чаадаев совмещает в своем сознании славянофильство и западничество, причем славянофильство является причиной подталкивания П. Я. Чаадаевым России к либерализму Западной Европы, поскольку, как он утверждает, «больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою страну» [Чаадаев, 1991ас, с. 533]. Изначальный патриотизм П. Я. Чаадаева порождает критику отдельных сторон свойств русского народа и его истории, но эта критика, по его же собственному признанию, перехлестывая через край, становится несправедливой и потому нелогичной.

Естественным образом возникает вопрос о том, почему вышеуказанные подходы комментаторов творчества П. Я. Чаадаева пытаются приписать ему одностороннюю ограниченность взглядов. Возможно, это есть следствие усвоения одного из древних приемов софистики Запада, — та самая одна из его «порочностей» (на которую намекал П. Я. Чаадаев), связанная с так хорошо знакомым современному человеку значением слова *fake*.

И. Кант считает неустранимой иллюзией способность нашего сознания впадать в диалектические противоречия, сутью которых является порождение

неких несоответствий между реальностью и ее восприятием. К отдельным условиям появления таких деформаций он относит: изначальную неполноту имеющихся значений в границах целокупности; возможность подбирать различные основания для построения даже из одной и той же целокупности значений разнообразные системы с отличающимися внутренними причинно-следственными связями (простейший пример — наличие ветвей и ересей в христианстве); невольное и неизбежное следование всего лишь формальному принципу построения системы в процессе последовательного сочетания априорных форм, что ведет к признанию полученного соответствия между формой и содержанием данного конкретного представления достаточным основанием для объявления его истинным.

Список источников

1. Велижев М. Б. Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 392 с.
2. Кант И. Критика способности суждения // Сочинения: в 8 т. Т. 5. М.: Чоро, 1994. 414 с.
3. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 800 с.
4. Мандельштам О. Э. Петр Чаадаев // Сайт посвященный творчеству Осипа Мандельштама. URL: <http://mandelshtam.lit-info.ru/mandelshtam/articles/petr-chaadaev.htm> (дата обращения: 10.07.2022).
5. Тесля А. А. Неизменность Чаадаева // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 3. С. 173–195.
6. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Полн. собр. соч. и избранные письма: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. 798 с.
7. Чаадаев П. Я. Философические письма // Полн. собр. соч. и избр. письма: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. 798 с.

References

1. Chaadaev, P. Ya. (1991). The Apology of a madman. *Complete works and selected letters (in 2 volumes). Vol. 1.* Moscow: Nauka. 798 p. (In Russian).
2. Chaadaev, P. Ya. (1991). Philosophical letters. *Complete works and selected letters (in 2 volumes). Vol. 1.* Moscow: Nauka. 798 p. (In Russian).
3. Kant, I. (1994). Criticism of the ability of judgment. *Works (in 8 volumes). Vol. 5.* Moscow: Choro. 414 p. (In Russian).
4. Kant, I. (1964). Critique of pure reason. *Works (in 6 volumes). Vol. 3.* Moscow: Mysl. 800 p. (In Russian).
5. Mandelstam, O. E. (2022, July, 10). Peter Chaadaev. *Website dedicated to the work of Osip Mandelstam.* Retrieved from <http://mandelshtam.lit-info.ru/mandelshtam/articles/petr-chaadaev.htm> (2022, July, 10). (In Russian).
6. Teslya, A. A. (2016). The immutability of Chaadaev. *Sociological Review, 15* (3), 173–195. (In Russian).
7. Velizhev, M. B. (2022). Chaadaev case: ideology, rhetoric and state power in Mykolaiv Russia. Moscow: New Literary Review. 392 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Кучеренко Александр Владимирович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, социально-правовых и естественно-научных дисциплин Курской академии государственной и муниципальной службы.

Станционная ул., 9, Курск, Россия, 305044,
kucherenkoav@yandex.ru

Kucherenko Alexander Vladimirovich — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Socio-Legal and Natural Sciences of the Kursk Academy of State and Municipal Service.

Stantsionnaya st., 9, Kursk, Russia, 305044,
kucherenkoav@yandex.ru